

УДК 165

DOI 10.25688/2078-9238.2019.29.1.04

**Р.З. Джиджян,
А.О. Оганисян**

Опыт аксиоматического построения теории познания

В статье представлена система аксиом, определений и следствий одного из наиболее развитых теоретических разделов философии — теории познания. Показано, что при помощи предложенных аксиом и определений разрешаются вопросы исходных элементов познавательной способности человека, проблематики теории истины, эпистемологии и методологии научного познания.

Ключевые слова: аксиоматический метод; теория познания; эпистемология; методы научного исследования.

В последние годы саморефлексия философии протекает преимущественно в рамках метафилософии. Интересные исследования были посвящены также изучению философии аргументации и специфики философской аргументации [9, 17, 18]. Вниманию коллег была предложена оригинальная концепция метааргументации [14–16].

Общепринято, что наиболее убедительной формой аргументации выступает аксиоматическое построение предлагаемой теоретической концепции [1]. Однако для использования аксиоматического метода требуется достаточная степень развития рассматриваемой области научного знания.

Наш подход позволяет обойти указанную трудность благодаря тому, что мы ставим нашей задачей аксиоматизировать отдельные разделы философского знания. В частности, в нашей предыдущей статье в журнале «Вестник МГПУ» было представлено *аксиоматическое построение философской онтологии* [8]. Теперь настал черед теории познания.

В качестве *первой аксиомы* (А1) теории познания мы принимаем следующее утверждение: *ощущения и восприятия возникают в сознании человека под воздействием предметов внешнего мира.*

Известно, что в чувственном представлении заключены существенные черты многих отдельных случаев восприятия данного предмета. Из этого следует: чувственное представление осуществляет *обобщение* чувственных восприятий. Это положение фиксируем в качестве **второй аксиомы** (А2) теории познания: *чувственные представления формируются из чувственных восприятий при помощи способности обобщений.*

Примем **определение 1**: память есть способность хранить и воспроизводить чувственные восприятия и словесную информацию. Это нас подводит к достаточно очевидному **следствию 1**: *память позволяет накапливать чувственные восприятия одного и того же предмета.*

И тогда из аксиомы А2 и следствия 1 мы должны заключить **следствие 2**: *ощущения, восприятия, память и способность обобщения на чувственном уровне суть необходимые и достаточные элементы для формирования чувственных представлений.*

Перефразировав аристотелевский тезис, что знание есть познание общего, мы можем принять **определение 2**: *всякое обобщение есть знание.* Тем самым мы приходим к заключению в виде **следствия 3**: *обобщение восприятий в форме чувственных представлений есть элементарная, зачаточная форма знаний.*

Далее примем **определение 3**: *совокупность чувственных представлений индивида являет собой первую, чувственную ступень познания мира.* Два последних определения и следствие 1 обуславливают новое заключение в виде **следствия 4**: *человек обладает знанием предметов внешнего мира уже на уровне чувственного познания.*

Третья аксиома (А3) касается вербального мышления: знание существенных качеств предметов и явлений действительности достигается абстрактным **вербальным мышлением**. И если мы учтем определение 3 и следствие 4, то будет вполне естественным заключить **следствие 5**: *знание на уровне чувственного познания приобретается при помощи чувственных представлений.* И тогда мы можем ввести понятие элементарного уровня мышления. **Определение 3**: *чувственные представления являют собой зачаточный, или элементарный, уровень мышления.*

Для дальнейших построений примем восходящее к Аристотелю **определение 4**: *истинность мысли заключается в ее соответствии действительности.* К нему добавим в качестве **аксиом** (А1–А4) аристотелевские законы мышления:

А4 (закон тождества): *в контексте конкретного рассуждения каждое понятие должно использоваться в одном и том же смысле.*

А5 (закон противоречия): *в рамках любого рассуждения запрещается принимать за истинные противоречащие друг другу суждения.*

А6 (закон исключенного третьего): *суждение может быть либо истинным, либо ложным, третьего не дано.*

Истинность мысли мы определили как соответствие мысли объективной действительности. Это соответствие, точнее, мера соответствия выступает в качестве объективного критерия истины. И так как соответствие мысли и действительности можно установить только их сопоставлением в опыте, то можно принять **определение 5**: *критерием истины служит опыт, включая научный эксперимент и практику.*

Однако положение осложняется термином *мера*. Ведь науки имеют дело со знанием общего, а опыт, устанавливающий меру соответствия общего, имеет дело только с единичным. Так как изучаемые наукой объекты действительности неисчерпаемы даже в простом количественном отношении, а природные объекты представлены практически неисчерпаемыми множествами, то нужно прямо признать, что *общие* утверждения не могут иметь *полного* опытного подтверждения. Неполнота опытной проверки общих утверждений неизбежно сопровождается тем, что некоторые общие утверждения с течением времени, по мере появления новых наблюдений и опытных данных, приходится пересматривать и уточнять. Выполненный анализ приводит нас к **следствию 6**: *истина относительна.*

Проблема истины определенным образом смыкается с довольно острым, еще с XVIII в., противоборством между эмпиризмом и рационализмом. Никто из методологов не мог отрицать роль эмпирического материала в постижении мира. Но эмпирические факты, взятые сами по себе, могут дать лишь поверхностное и ограниченное знание. При этом различие эмпирического и рационального, и даже преодоление их противопоставления [2: с. 56], все же оставляет открытым труднейшую проблему теории познания: *имеется ли абсолютно истинное научное знание или же можно усомниться даже в истинах математики?*

Можно с уверенностью сказать, что до второй половины XIX в. образованное человечество было уверено в том, что самоочевидные истины математики, в частности постулаты Евклида, безусловно принадлежат к царству необходимых и абсолютных истин. И тогда методолог науки должен был найти убедительный ответ на сверхтрудный вопрос: *если исходный материал научного знания берется из опыта, эмпирический же опыт человечества безусловно ограничен, то каким путем могут образоваться в человеческом сознании абсолютные истины?*

Как показало развитие науки начала XX в., *не существует абсолютно истинного теоретического знания (следствие 7)*. В первой трети XX в. родились революционные концепции теории относительности и квантовой механики, радикально пересмотревшие основоположения механики Ньютона. Сегодня ни один ученый не возьмется охарактеризовать какой-либо научный принцип в качестве абсолютной истины. В то же время непрерывный прогресс в исследованиях физики атомных явлений, структуры атомных ядер и взаимодействия элементарных частиц не оставил сомнения в том, что *научный прогресс*

осуществляется путем постоянного углубления понимания изучаемой области действительности и постепенного расширения области приложения наличной системы относительных истин (следствие 8).

Естествоиспытатели твердо знают, что измерение любого параметра изучаемого объекта может быть осуществлено только с определенным уровнем точности. Это означает, что *ответ на вопрос об истинности научного утверждения зависит от степени точности, с которой оно проверяется* (следствие 9). Отсюда нетрудно вывести также (следствие 10): *каждое научное утверждение соответствует действительности только в определенном приближении*. Хорошей иллюстрацией этого вывода может служить известное соотношение между областями применения классической механики и релятивистской механики.

Дотеоретическое знание обычно имеет разрозненный характер, являет собой набор истинных, но разобщенных утверждений, по преимуществу, частного содержания. В противоположность этому научная теория имеет структуру *единой системы*. Здесь четко выделяются основоположения учения, на основе которых получают свое объяснение все известные факты и частные закономерности. Сказанное выразим в форме эксплицитных определений:

Определение 6. *Научная теория — это система научного знания, выводимая из исходных положений (законов, аксиом) и определений.*

Определение 7. *Дотеоретический уровень научного знания именуется эмпирическим уровнем.*

Определение 8. *Область знания, где основным исходным материалом служат наблюдения и эксперименты, принято именовать эмпирическим знанием.*

Несомненно, что эмпирические данные являются объективными характеристиками действительности. И какими бы свободными ни казались теоретики в своих конструкциях, на самом деле они строят модель *действительности*. При этом факты о самой действительности не просто увеличиваются количественно, но и нередко оказываются крайне неожиданными, качественно новыми. Последнее обстоятельство исключает возможность подгонки наличных концепций под качественно новые данные и делает бесперспективными попытки оригинальничать и строить теоретические конструкции по мере своего неразумения. По этой причине по мере выдвижения новых концепций некоторой области действительности вырабатывается более глубокая и адекватная картина действительности. *При всей видимой произвольности зигзагов смены научных концепций средний вектор их направленности указывает на несомненный прогресс наук* (следствие 9).

Еще в середине XIX в. английский историк и методолог науки Уильям Уэвелл раскрыл сущность и роль научных революций в истории развития научного знания в своем фундаментальном труде «Философия индуктивных наук» [20]. Понятие научной революции стало популярным во второй половине XX в.

благодаря книге Томаса Куна «Структура научных революций» [5]. Широкое распространение концепции научных революций в прошлом веке не должно удивлять. Первая половина XX в. изобиловала громкими, если не сказать сенсационными, научными революциями — релятивистская механика, квантовая механика, общая теория относительности, инженерная генетика, кибернетика. Для однозначности наших оценок целесообразно определить понятие «научная революция»:

Определение 9. *Научной революцией именуется коренная перестройка фундаментальной научной теории, преимущественно путем замены одного из ее принципиальных положений на радикально отличающееся, и в этом смысле парадоксальное, новое положение.*

Как бы убедительна ни была общая концепция истины, и, в частности, как бы обоснованно ни звучало категоричное отрицание возможности достижения абсолютных истин, у читателя рано или поздно возникнет возражение: разве мы можем усомниться, что дважды два дает четыре или что два треугольника, у которых две стороны и угол между ними равны, необходимо равны друг другу? Этот простой вопрос здравого смысла вынуждает нас углубиться в философию математического знания. Начнем с анализа геометрического знания.

Разработка альтернативных неевклидовых геометрий Лобачевским, Больями и Риманом с полной ясностью вскрыла, что только измерения пространственных отношений космических масштабов могут установить, действительно ли геометрия Евклида есть адекватная теория пространственных отношений в нашей Вселенной. Этот однозначный ответ, предоставленный нам прогрессом научного знания, позволяет зафиксировать соответствующий вывод эпистемологии.

Следствие 10. *Статус геометрии Евклида как теории пространственных отношений в материальном мире такой же, как и любой другой естественно-научной теории в аспекте меры ее соответствия действительности.*

Впечатление необходимой истинности утверждений евклидовой геометрии обусловлено тем, что здравый смысл сам по себе не ставит вопроса о геометрии как теории пространственных отношений в материальном мире. Абсолютность утверждений геометрии обусловлена тем, что на самом деле мы имеем в виду их необходимость относительно абстрактных объектов — геометрических фигур типа треугольников, окружностей и т. д. Строго говоря, характеризуя утверждения геометрии, мы должны говорить об их *доказательности*, а не *адекватности действительности*. Утверждения геометрии абсолютны только в аспекте их дедуктивной выводимости из системы исходных утверждений (постулатов) и определений понятий. Сказанное в полной мере справедливо как относительно любой другой математической науки, так и любой формализованной теории, потому что все они имеют дело с абстрактными объектами, определяемыми в рамках самих теорий.

Следствие 11. *Утверждения любой математической или формализованной теории обладают только доказательностью, мера же истинности касается теорий, взятых в целом, и определяется она эмпирическим путем, их сопоставлением с действительностью.*

Для анализа аксиоматики методологии научного познания примем **определение 10:** «Методология научного исследования есть учение о способах эффективного поиска решения научных задач и проблем» [4: с. 283]. Принципиальный вопрос заключается в следующем: *Возможен ли метод, гарантирующий «производство» научных открытий, или же следует ограничиться задачей разработки метода эффективного поиска исследуемых проблем?*

Возможность разработки метода поиска решения исследуемых проблем может представиться весьма реалистичной, если учесть наличие эффективных **общенаучных** методов научного исследования наподобие анализа, синтеза, индукции, дедукции, обобщения, абстрагирования, аналогизирования и т. д., и в их совокупности видеть перспективу их объединения в одну единую систему, которая бы несомненно могла повысить эффективность научного поиска. Учитывая **определение 10**, мы приходим к **следствию 12:** *по мере накопления множества эффективных общенаучных методов исследования со временем должна зародиться идея формулировки универсального метода научного поиска.*

подавляющим большинством современных методологов всеобщим методом *естественно-научного познания* признается метод гипотез [6, 7, 13]. Однако далеко не все методологи готовы настаивать, что метод гипотез действует во всех областях научного исследования. Методологи еще менее готовы утверждать, что метод гипотез является *единственным универсальным методом* научного поиска.

Чтобы выяснить реальную картину, представим структуру метода гипотез в его наиболее общих чертах: *проблема – анализ проблемы – синтез идеи решения – проверка гипотезы* [3, 11, 12]. Нетрудно обосновать, что указанная структура процесса гипотетического исследования может быть убедительно обоснована. Действительно, невозможно представить себе исследование, начало которому не было дано потребностью разрешить некоторую проблему.

Невозможно также представить себе решение проблемы без достаточного уровня ее понимания. Само решение проблемы рождается в форме догадки. Так, мы приходим к постулированию.

Аксиома 7. *Решение любой проблемы осуществляется последовательностью двух фаз — понимания проблемы и догадки об идее возможного решения.*

Процедура понимания проблемы реализуется ее анализом, а догадка рождается в форме синтеза идеи возможного решения рассматриваемой проблемы. (**Определение 11.** *Анализ задачи есть процедура ее понимания.* **Определение 12.** *Синтез идеи решения есть процедура порождения идеи возможного решения исследуемой проблемы.*) Когда мы имеем дело с научно-

исследовательскими проблемами, общепринятым термином для обозначения идеи возможного решения служит гипотеза. (**Определение 13.** *Гипотеза есть идея возможного решения научной проблемы.*)

Наконец, так как по своему определению гипотеза являет нам лишь *возможное* решение, то совершенно необходим и последний из указанных выше этапов проводимого исследования — *проверка* выдвинутой идеи решения. (**Следствие 14.** *Каждая научная гипотеза подлежит верификации.* **Определение 14.** *Верификация есть процедура установления степени соответствия выдвинутой гипотезы реальной действительности достоверным эмпирическим данным об этой области реального мира.* **Определение 15.** *Фальсификация есть верификация с негативным результатом.*)

Так как в приведенном выше обосновании рассуждения касаются любой исследуемой научной проблемы любого раздела научного знания, они демонстрируют универсальность метода гипотез, безусловную возможность его приложения к задаче любого типа и в любой области научного знания. (**Следствие 14.** *Метод гипотез есть универсальный метод научного исследования любых проблем и задач в любой области научного знания.*)

Гипотеза (в широком смысле этого слова) является догадкой о предполагаемом решении исследуемой научной задачи. Для пытливого ума естествоиспытателей оказывается делом не очень сложным выдвинуть различные предположения, позволяющие объяснить наличные эмпирические данные. Но весьма скоро появляются неожиданные новые данные, решительно отвергающие подавляющее большинство выдвинутых гипотез. Опыт естествоиспытателей прошлого века, необычайно богатого гипотезами самого различного калибра, убеждает в большей эффективности такого подхода, когда исследователь стремится сохранить основную идею решения, модифицировать лишь отдельные, явно ошибочные ее моменты, улучшить исходную гипотезу соответствующими преобразованиями и дополнениями.

Следствие 15. Гипотеза подлежит *постоянному уточнению и улучшению* для согласования с новыми или же не учтенными ранее фактами. Естественно, что с целью улучшить некоторые гипотезы приходится производить подгонку под нововыявленные факты.

Следствие 16. Если вводимые ради спасения гипотезы дополнительные допущения крайне слабо связаны с ее исходным содержанием, то сама гипотеза расценивается как гипотеза *ad hoc*.

Философам и методологам второй половины прошлого века удалось предложить несколько «критериев научности гипотез» с довольно привлекательными названиями — *критерий верифицируемости, фальсифицируемости, максимальной общности, принципиальной простоты, принцип соответствия* (преемственной связи), *критерий предсказательной силы* [19]. К огорчению приверженцев этих весьма популярных в прошлом веке концепций, нужно категорически указать, что если гипотеза «неблагополучна» в отношении

ее подтверждаемости эмпирическими данными, то какие бы блестящие рекомендации ни получила она со стороны методологических критериев, они не смогут ни заметно улучшить статус этой гипотезы, ни повысить степень ее достоверности.

Следствие 17. *История науки учит нас, что никакие методологические критерии оценки степени достоверности новых гипотез не могут играть заметной роли при их допущении в царство достоверного знания.*

Несмотря на всеобщее согласие по вопросу о функции эмпирического материала как «всеобщего контролера» достоверности научных концепций, методологи сумели разглядеть здесь интересную проблему: *полностью ли автономны научные факты или же любой научный факт осознается исследователями в свете соответствующей научной концепции?* Основанием этому затруднению служит то обстоятельство, что любой факт формулируется на языке некоторой конкретной теории и, соответственно, понимается в свете принципов этой теории. Однако, как показано М.В. Поповичем [10: с. 33], «не всякий факт может быть описан некоторой теорией, и не всякий вопрос в ней может быть поставлен» (**следствие 18**). Здесь надо различать два разных момента. Одно дело — суметь выразить данный факт языком некоторой теории, и совсем другое дело — показать согласованность зафиксированного факта с этой же теорией. Первая задача если и не тривиальна, то не очень сложна. (**Следствие 19.** *Всякий факт может быть зафиксирован разными теориями — в разной степени адекватности.*) Вторая задача является настоящим испытанием для научной теории, а в случае обнаружения радикально новых фактов не всегда удается достичь приемлемого согласия с ними классической (старой) теории.

Следствие 20. *При всей общей теоретической загрузженности научных фактов они достаточно «упрямы», чтобы суметь опровергнуть неадекватную старую теорию.*

Литература

1. Аристотель. Метафизика // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 63–367.
2. Бэкон Ф. Новый Органон // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 5–214.
3. Джиджян Р. Методологический анализ процесса открытий и изобретений. Ереван: Изд-во Ереванск. гос. ун-та, 1982. 280 с.
4. Джиджян Р. Общая характеристика логики научного исследования // Методологический анализ генезиса научной теории / К. Оганян [и др.]. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 282–299.
5. Кун Т. Структура научных революций: пер. с англ. М.: АСТ, 2003. 605 с.
6. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме. М.; Л.: Госполитиздат, 1976. 581 с.
7. Милль Дж.С. Система логики силлогистической и индуктивной. 2-е изд. М.: Г.А. Леман, 1914. 880 с.
8. Оганисян А.О. Ереванская школа аргументации // Методологический анализ генезиса научной теории / К. Оганисян [и др.]. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 243–281.

9. *Oganisyan A.O., Djidjyan P.Z.* Аксиоматизация гуманитарных наук — императив эпохи цифровых технологий // Вестник МГПУ. Сер. «Философские науки». 2018. № 3 (27). С. 46–57.
10. *Попович М.В.* О философском анализе языка науки. Киев: Наукова думка, 1966. 224 с.
11. *Djidjan R.* Building the logic of scientific thinking // Main Issues of Pedagogy and Psychology. 2011. № 3. P. 164–173.
12. *Djidjian R.* Getting Ready for Great Discoveries. Yerevan: Yerevan state university publ. house, 2004.
13. *Hershel J.* A Preliminary Discourse on the Study of Natural Philosophy. London: Longman & Green, 1851. 372 p.
14. *Hovhannisyann H.* Meta-Argumentation from the Perspective of Metaphilosophy // News and Views. Vol. 4. No 1 (31). 2012 International Academy for Philosophy Press, Yerevan (Armenia) – Athens (Greece) – Berkeley (USA), P. 47.
15. *Hovhannisyann H.* Meta-Argumentation as an Argumentation Metatheory // Metaphilosophy / edited by Armen T. Marsoobian. July 2015. USA, P. 479–487.
16. *Hovhannisyann H., Djidjian R.* Building a General Theory of Meta-Argumentation // Metaphilosophy / edited by Armen T. Marsoobian. April 2017. USA. P. 345–354.
17. *Hovhannisyann H.* Problems of Argumentation in Medieval Armenian Philosophy // Wisdom: Scientific Periodical. 2017. № 1 (8). P. 81–94.
18. *Hovhannisyann H.* Argumentation Issues in the Context of the History of Armenian Philosophical Thought. Book 1. Three Outlines: Yeznik Koghbatsi, David Anhaght, Grigor Tatevatsi. Publishing House of the National Academy of Sciences of RA. Yerevan, 2005.
19. *Lakatos I., Musgrave A.* (eds) Criticism and the Growth of Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. 282 p.
20. *Whewell W.* The Philosophy of the Inductive Sciences. Founded Upon Their History. Vol. 1. Parker, 1840. 708 p.

Literatura

1. *Aristotel'.* Metafizika // Soch.: v 4 t. M.: My'sl', 1976. T. 1. S. 63–367.
2. *Be'kon F.* Novy'j Organon // Soch.: v 2 t. M.: My'sl', 1978. T. 2. S. 5–214.
3. *Dzhidzhyan R.* Metodologicheskij analiz processa otkry'tij i izobretenij. Erevan: Izd-vo Erevansk. gos. un-ta, 1982. 280 s.
4. *Dzhidzhyan R.* Obshhaya xarakteristika logiki nauchnogo issledovaniya // Metodologicheskij analiz genezisa nauchnoj teorii / K. Oganyan [i dr.]. SPb.: Izd-vo SPbGE'U, 2018. S. 282–299.
5. *Kun T.* Struktura nauchny'x revolyucij: per. s angl. M.: ACT, 2003. 605 s.
6. *Lejbnicz G.V.* Novy'e opy'ty' o chelovecheskom razume. M.; L.: Gospolizdat, 1976. 581 s.
7. *Mill' Dzh.S.* Sistema logiki sillogisticheskoy i induktivnoj. 2-e izd. M.: G.A. Leman, 1914. 880 s.
8. *Oganisyan A.O.* Erevanskaya shkola argumentacii // Metodologicheskij analiz genezisa nauchnoj teorii / A.O. Oganisyan [i dr.]. SPb.: Izd-vo SPbGE'U, 2018. S. 243–281.
9. *Oganisyan A.O., Dzhidzhyan R.Z.* Аксиоматизация гуманитарных наук — императив эпохи цифровых технологий // Вестник МГПУ. Сер. «Философские науки». 2018. № 3 (27). С. 46–57.

10. *Popovich M.V.* О философском анализе язы'ка науки. Kiev: Naukova dumka, 1966. 224 s.
11. *Djidjian R.* Building the logic of scientific thinking // Main Issues of Pedagogy and Psychology. 2011. № 3. P. 164–173.
12. *Djidjian R.* Getting Ready for Great Discoveries. Yerevan: Yerevan state university publ. house, 2004.
13. *Hershel J.* A Preliminary Discourse on the Study of Natural Philosophy. London: Longman & Green, 1851. 372 p.
14. *Hovhannisyann H.* Meta-Argumentation from the Perspective of Metaphilosophy // News and Views. Vol. 4. No 1 (31). 2012 International Academy for Philosophy Press, Yerevan (Armenia) – Athens (Greece) – Berkeley (USA), P. 47.
15. *Hovhannisyann H.* Meta-Argumentation as an Argumentation Meta-theory // Metaphilosophy / edited by Armen T. Marsoobian. July 2015. USA, P. 479–487.
16. *Hovhannisyann H., Djidjian R.* Building a General Theory of Me-ta-Argumentation // Metaphilosophy / edited by Armen T. Marsoobian. April 2017. USA. P. 345–354.
17. *Hovhannisyann H.* Problems of Argumentation in Medieval Armenian Philosophy // Wisdom: Scientific Periodical. 2017. № 1 (8). R. 81–94.
18. *Hovhannisyann H.* Argumentation Issues in the Context of the History of Armenian Philosophical Thought. Book 1. Three Outlines: Yeznik Koghbatsi, David Anhaght, Grigor Tatevatsi. Publishing House of the National Academy of Sciences of RA. Yerevan, 2005.
19. *Lakatos I., Musgrave A.* (eds) Criticism and the Growth of Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. 282 p.
20. *Whewell W.* The Philosophy of the Inductive Sciences. Founded Upon Their History. Vol. 1. Parker, 1840. 708 p.

R.Z. Djidjian,

H.H. Hovhannisyann

The Experience of the Axiomatic Construction of the Theory of Cognition

This article considers a system of axioms, definitions and consequences of one of the most developed theoretical branches of philosophy — the theory of cognition. It is shown that with the help of the proposed axioms and definitions, one can resolve the questions of the initial elements of human cognitive ability, the problems of the theory of truth, epistemology and methodology of scientific investigation.

Keywords: axiomatic method; theory of cognition; epistemology; methodology of scientific investigation.